

Буравчик

Сергей Кусков

Памяти Главного конструктора

— Сейчас сделаю, Аркадий Львович.

Дядя Леня положил телефонную трубку и сказал Михаилу Ефимовичу и Васюте:

— Дежурный врач звонит: жарко в палатах, больные жалуются.

— Меньше бы слушал тех больных. Одно слово, психи! — проворчал Васюта.

— Не, Петро, жалко. Все ж люди, — возразил Михаил Ефимович. А дядя Леня встал из-за стола, подошел к панели управления котельной и, глянув на приборы, аккуратно прикрутил пару вентиляй.

Васюта за столом взял бутылку:

— По второй, что ли?

— Погоди, рыба поспеет, — ответил Михаил Ефимович.

Сковорода с рыбой шипела на газовой плитке, стоявшей на железной тумбе в углу.

— Под рыбу еще есть, а мы пока с огурчиками, — сказал Васюта и разлил водку по стаканам. — Я что хочу сказать: большое дело — газ. Апрель, а у нас тут огурцы из теплицы. В кочегарке чисто, да и дядя Леня небось не кочегар уже, а оператор...

— Кочегар-истопник был, — перебив, поправил дядя Леня.

— Так выпьем за технический прогресс! — закончил Васюта.

Все дружно выпили.

— Вон он, твой прогресс! — Михаил Ефимович, жуя огурец, мотнул головой в сторону телевизора. На экране диктор новостей сообщал о найденном в Техасе очередном обломке шаттла «Колумбия». — Как у них эта штука упадет, так семь трупов. А «Востоки» у Королева не падали.

— Да ну, в «Востоке» чему было ломаться? — махнул рукой дядя Леня. — Шарик с креслом.

— Откуда знаешь? Сам, что ли, на нем летал? — подковырнул Васюта.

Дядя Леня посмотрел на него, потом спокойно сказал:

— Ну, положим, летал.

— Тебя, часом, никто из ваших больных не покусал? — Васюта изобразил озабоченность. — Говорят, некоторые психические болезни заразные.

— Злоехиден же ты, Петро! — проговорил Михаил Ефимович с осуждением.

— Значит, думаешь, — бред? — так же невозмутимо спросил дядя Леня. — Ну, тогда расскажу вам, как я летал на «Востоке».

— А если б не думал? — спросил за Васюту Михаил Ефимович.

— А тогда б не рассказал, — ответил дядя Леня. — Я ж подписку давал.

— Мне в январе шестьдесят первого шестнадцать стукнуло, — начал дядя Леня, — уж не знаю, на самом деле так или в метрике от балды написали. Сам-то я детдомовский, отцать не знаю, по бумагам — родился в Белоруссии в январе

ФАНТАСТИКА

сорок пятого. Отец, кстати, запросто мог быть и немец.

— Это вряд ли, — засомневался Васюта, — ты б тогда не был такой щуплый.

— Так с детдомовской пайки не разъешься, — возразил дядя Леня. — Я в шестнадцать лет на четырнадцать смотрелся. А только была в том и хорошая сторона.

— Что ж хорошего? — удивился Михаил Ефимович.

— В форточки лазить удобно! Я тогда кантовался в одном интернате в дальнем Подмоскowie, уже ближе к Туле, в поселке при станции Урожайная. Поселок, конечно, — одно название. Большое село, а станция перевалочная, туда по осени свозили зерно да картошку с трех районов. Грузили в вагоны и увозили. И была там у нас шайка-лейка: поселковые, двое из Тулы да нас, интернатских, трое. Я самый мелкий — через форточку влезал в хату, отпирал изнутри замки, тогда остальные заходили и по-быстрому чистили. Мы ведь, интернатские, после того, как на волю выйдем (так у нас называлось: на волю), работать ни дня не собирались. «Работать» у нас вот это и значило: по хатам лазить или, скажем, кошельки по электричкам тырить. А на станции или, например, в колхозе — то ишачить. Видели ж, как народ в поселке живет от зарплаты до зарплаты.

Так вот, шестнадцать мне стукнуло, а на второй или третий день после этого я и загремел. В Туле влез, как обычно, в форточку, осмотрелся, иду в переднюю замки отпирать, а оттуда валит в комнату эдакая собачица — немецкая овчарка. Спокойно так, не кидается, только негромко рыкнула — у меня коленки подкосились, я на стул брякнулся и сидел так, пока хозяин не пришел. А тот легавых вызвал.

Следователь — умный мужик! Поднял все дела, где квартиры так же вскрывали через форточку, и припер уликами: тут отпечатки, там след от ботинка или еще чего. Ну, сознался я, куда деваться. Но своих не сдал, все взял на себя. Одиннадцать хат; хуже всего — в сумме набежало шестнадцать тысяч с гаком на новые деньги, а это уже особо крупный размер.

Ну вот, ближе к концу марта приводят меня опять на допрос, и следак говорит: дело твое закончено, передаю в суд. Одиннадцать эпизодов; если еще что-то было, лучше узнайся сразу — меньше сидеть придется.

А сидеть мне, ребятки, ой как не хотелось! Понимал, конечно, что рано или поздно сяду, но лучше уж поздно, чем рано. Опять же, шестнадцать лет, значит, в лагерь попаду взрослый, а смотреть на меня будут, как на малолетку. Тоже ничего хорошего.

Я ему говорю: все как есть рассказал, гражданин следователь, больше за мной ничего нету. Сам-то знаю, что еще осталось, но у нас так: пока не приперли — не сознаваться. Он мне опять: и все это ты унес в одиночку? Да, говорю, все сам. Куда ж, спрашивает, столько потратил? Я ему: проел-пропил, прогулял, на девочек, то-се. Ага, говорит, на девочек-пионерочек, другим ты на фиг нужен. И не-

сгораемый шкаф из дома номер семь в Путевом проезде тоже в одиночку уволок. Семьдесят кило пер на себе три километра, до лесополосы, а там раскурочил. А я, говорит, сейчас устрою следственный эксперимент и приобщу к делу. Прокурор для тебя требует десять лет, да судья еще пару накинет за вранье. Если, конечно, во время эксперимента ласты не склеишь, прямо под шкафом.

— А что в шкафе-то было? — спросил Васюта.

— Ружье с патронами. Хозяин, видно, был охотник... Ну, следак выждал чуток, чтоб я проникся, а потом говорит: есть, говорит, способ искупить свою вину перед обществом. Если согласишься — конечно, строго добровольно — принять участие в одном научном эксперименте, дело будет закрыто; ну а останешься жив — выйдешь на свободу с чистой совестью.

У меня внутри екнуло, но виду не подаю. Что за эксперимент, спрашиваю. Он мне: не знаю, но, думаю, опасный, раз добровольцев ищут среди вашего брата, уголовника. Иначе бы, наверное, студентами обошлись. Я думаю: прививку какую-нибудь испытывать, что ли? Ну и хрен с вами, колите. Раз на людях пробуете, значит, на собаках уже отработали. Авось не помру, разве что поваляюсь с полгода. Зато не сидеть.

В общем, согласился. Сводили в камеру за вещами, потом посадили в «воронок» и куда-то повезли. Приезжаем — ё-моё, аэродром! Легавые сдали меня под расписку двум военным, и с ними один гражданский, и видно, что главный он, а те только конвоируют. Сели в Ту-104, полетели. Прилетаем — кругом степь, и где-то на юге, потому что трава, цветочки, а в Туле еще снег лежит. Потом — в «Волгу», а там уж недалеко. Приехали — стоит в степи вроде как научный институт, и ведут меня прямо туда. Поднимаемся вверх — там приемная, секретарша, и на двери табличка: «Главный конструктор». Гражданский, который за мной летал, что-то сказал секретарше, та кнопку нажала и говорит в микрофон: «Сергей Палыч, добровольца привезли». Потом нам кивнула, этот заводит меня в кабинет, и остались мы с Сергеем Палычем вдвоем.

Он меня спрашивает: «На чем взяли?» — «Форточник», — говорю. «И сколько тебе светит?» Я ему: «Прокурор десятку требует». Он помолчал, потом говорит: «Сейчас готовится запуск в космос корабля с человеком на борту, но перед этим приказано испытать систему на каком-нибудь (тут он вот так скривился) малоценном члене общества». Вроде, значит, меня. Я себе думаю: елки-палки, куда ж я попал! Я ведь, как спутник запустили, интересовался этими делами, даже журнальчики брал в библиотеке. Маленько понимал, что почем. Я его осторожно спрашиваю: «А можно меня назад в тюрьму? Лучше я десять лет отсиджу». Он говорит: «Во-первых, уже нельзя. До старта три дня, когда тебе замену искать? А во-вторых, не лучше. Уж поверь мне, сам сидел». Да ты, говорит, не бойся, система отработана. Пока только на собачках, но я бы уже и космонавта запустил, да там требуют, — и пальцем в потолок тычет. Надо только, говорит, с посадкой поупражняться, потому что катапультирует тебя автомат, а вот приземляться на парашюте — это как прыгнуть метров с трех. С непривычки можно и ноги поломать. Ну, это он, конечно, зря: что я, со второго этажа не прыгал?

В общем, взяли меня в оборот. По уму-то космонавта надо год готовить, а тут — три дня на все про все. Медосмотр, с парашютной вышки попрыгал; на центрифуге покрутили, чтоб имел представление. Да еще был у них такой тренажер, тоже вроде вышки — на катапульте человека подкидывать; ну вот, меня и подкинули. Я чуть в себя пришел, говорю им: спасибо, ребята, я теперь знаю, как оно,

больше не надо. Второй раз так слетаю при посадке, и, бог даст, последний.

Скафандра на меня не было, потом узнал: у Титова взяли, он у них был самый маленький. Утянули, где могли, но все равно я в нем болтался, как горошина в погремужке.

В цех сводили, дали в корабле посидеть. Сергей Палыч показывает: вот эта ручка — включение тормозного двигателя. Только у тебя их будет пять: одна настоящая, а остальные — декорация. Это зачем, спрашиваю? А затем, говорит, чтоб ты с испугу не дернул раньше времени. Потому что тогда или сядешь не там, или вообще погубишь себя и корабль. Если полет пойдет без сбоев, мы тебе тормоз сами с земли включим, а уж если, не дай бог, не сработает, тогда скажем, какая нужная. Только не вздумай все подряд дергать — торможение заблокирует, и придется лишний виток делать.

Еще говорит: надо тебе позывной присвоить для переговоров. Маленько подумал и спрашивает: кликуха есть? Я говорю: наши Буравчиком зовут. Он: ну, вот и позывной тебе, не возражаешь? Я ему: а мне-то что? Вот так. Гагарин, кажись, летал Кедром, Терешкова — Чайка, а я — Буравчик.

Первого, как сейчас помню, апреля с утра вкатили мне клизму, чтоб я Титову скафандр не обгадил с перепугу, привезли на старт, засунули в корабль и люк на болты закрутили...

— Чтоб не убег, — вставил Васюта.

— А день такой нарочно или случайно? — спросил Михаил Ефимович. Он поднялся, подошел к плите и перевернул окуней на сковородке.

— Случайно, Ефимыч, ничего не бывает, — сказал дядя Леня. — День назначил начальник особого отдела, подполковник Филин. Был у них такой, из молодых да ранних. Как бериевских орлов-то посшибали, тогда вот такие быстро у них карьере делали. За несколько лет взлетали из лейтенантов в подполковники, а кто и в полковники.

Вот этот-то Филин за меня первым и взялся, еще прежде врачей. Он же, к стати, и сказал, что мой отец мог быть немец. Сергею Палычу попенял: у него, говорит, отец, может быть, оккупант, а вы ему секретный корабль. Сергей Палыч в ответ: так что мне теперь, позвонить в ЦК, сказать, что вы не разрешаете проверку? Тот только молча зыркнул, как филин, но, похоже, злобу затаил.

А день такой назначил, потому что полет был жутко секретный. До того секретный, что у меня даже радиосвязи нормальной не было.

— Это как? — удивился Михаил Ефимович.

— А вот так! Я их слышал, Сергей Палыч всю дорогу со мной разговаривал, чтоб, значит, мне спокойнее. А отвечать — только кнопки нажимал. Они что-нибудь спрашивают, а у меня две кнопки. Нажму белую — «да», черную — «нет». И пошел сигнал — кто не знает, тот не догадается. Микрофон в скафандре даже не подключали, чтоб никто разговоры не подслушал. Ну а на самый крайний случай, если вдруг что-то просочится, можно будет списать на первое апреля.

Ну вот, лежу в кресле в корабле, по радио слушаю, как они на пульте разговаривают. Слышу: «Зажигание!», тут сразу внизу подо мной начинается такой шум, и я себе думаю: мамочка моя, сейчас что-то будет! Грохот сильнее, перегрузкой меня прижало — поехали, значит. Лежу, в глазах темно, в ушах вата, и через эту вату Сергей Палыч мне что-то говорит. Я слов не разбираю, но слышу: голос спокойный — значит, все в порядке.

Вдруг в наушниках кто-то кричит. Слов опять же не разобрать, только у Сергея Палыча голос сразу стал совсем

другой. Спрашивает (не меня, куда-то в сторону) строго так: «Какое отклонение?» Те что-то отвечают, а он еще строже: «Ну так рассчитайте!» И, похоже, микрофон отключил, потому что в наушниках тихо стало, только подомной грохочет. И вот я лечу, в кресло втиснутый, и думаю: господи боженька ты мой, иже еси на небеси, сделай, чтоб я живым вернулся, — воровать брошу!

И только я это подумал, как грохот кончился, и враз стало так легко — то ли я жив еще, то ли уже помер и лечу к Богу навстречу. Это я сейчас понимаю, что невесомость, а тогда — ну читал о ней, и что? Перегрузку мне хоть на центрифуге показали.

В общем, лечу в тишине и в невесомости, только в ушах все еще вата, и тут доходит до меня: Сергей Палыч вызывает. Буравчик, говорит, слышишь меня? Отвечай: да или нет? Я давай скорее кнопки нажимать, да сначала-то в спешке ткнул «нет», потом только «да». Сергей Палыч говорит: если отвечаешь, значит, слышишь. Буравчик, ты на орбите. Она немного отличается от расчетной, но для тебя ничего не меняется, посадка на первом витке. Правда, в другом районе, но мы тебя в любом случае встретим. Все понятно? Я жму «да», хотя мало что понял. Ну да главное понятно: жив пока.

Покуда летал, Сергей Палыч все меня спрашивал о том о сем. А я с ремнями возился, которыми к креслу пристегнут. Мне, когда в корабль сажали, велели их в полете не трогать. А то, говорят, спинка кресла — она же и парашютный ранец, может после катапультирования от тебя отвалиться, и бьнешься ты оземь без парашюта. Но мне ж интересно на Землю посмотреть! Отстегнулся, в окошко выглянул, обратно прицепился и все думаю: ладно ли сделал? Не отвалится ли?

Потом слышу, он говорит: Буравчик, посадка в Гурьевской области — приготовься, снова будет перегрузка. Сейчас сориентируем корабль и будем тормозить.

Вот включился тормоз — опять меня прижало, в глазах темно, лежу в кресле и слышу в наушниках: некоторое время связи не будет. И тут же она пропала, только хрип и треск. Вдруг ка-ак дернет! Это у корабля парашют раскрылся.

Потом опять связь появилась. Сергей Палыч спрашивает: «Буравчик, слышишь меня?» Я скорей жму «да», а он мне: «Точную твою высоту не знаю, катапульта сработает на семи тысячах, будь готов в любой момент». И вдруг какой-то другой голос — но очень похожий на Филина нашего — говорит: после приземления никуда не уходить, ждать на месте! Как я это услышал, сразу подумал: драпать надо, и поскорее.

Ну вот. Выкинула меня катапульта, висю на стропях. Вижу — внизу степь, по степи дорога, а там море, и где-то между дорогой и морем я и сяду. Но, похоже, ближе к морю, если вообще не в воду. А вода, между прочим, холодная. А я из книжек знаю, что надо с какого-то боку стропы подтянуть, но вот с которого? Парашютист из меня тот еще, только с вышки и прыгал.

А по дороге едет черная «Волга». Ну, думаю, начальство куда-то покатило — эти меня из воды тягать не станут. И вот падаю я почти у самого берега, и тут «Волга» сворачивает с дороги и чешет ко мне прямо по степи. Пока я в стропях путался, она уж подкатила, выскочили из нее двое...

— В штатском? — спросил Васюта.

— В штатском, — подтвердил дядя Леня, — и выражение на мордах то же: мол, не смотри, что в штатском, мы люди ой какие серьезные. В общем, драпа дать не получилось. Тут один из этих говорит, но вежливо так, все чин-чинарем: нам поручено вас встретить, садитесь в машину. Отцепили

ФАНТАСТИКА

меня от строп, парашют кое-как в багажник впихали. Посадили сзади, сами с боков, а впереди, между прочим, один шофер.

Едем на какой-то военный аэродром в степи. Там стоит грузовой самолет, «Волга» заезжает прямо в него, и в таком виде летим. И прилетаем туда же, куда меня первый раз из Тулы привезли. Я уж совсем, было, успокоился: сейчас, думаю, поедем в институт, к Сергею Палычу — ан нет! Прямо на аэродроме садится в машину, рядом с шофером, подполковник Филин, и едем мы совсем в другое место: домик такой низенький, каменный, за забором, и вообще на гауптвахту похоже. Про гауптвахту я тогда только из книжек знал, но что мне сразу не понравилось — колючка по верху забора.

Заводят меня в кабинет, и Филин с меня требует, чтоб я ему сознался, будто бы на пару с Сергей Палычем пытался угнать корабль в США. Я, как услышал, аж обалдел! Какое, говорю, корабль угнать?! Я что, им управлял, тем кораблем? Куда меня запулили, туда и летел — в Америку ли, в Китай, или вон в море едва не плюхнулся. А он: так за каким чертом у тебя в корабле такая уйма ручек торчит?! Я ему: для торможения, если с земли не включится. Ну да, говорит, одна — тормоз, поверю. А остальные — скажешь, декорация? А что я ему скажу, если и в самом деле декорация?

Вывал он какого-то чижика и говорит: отведи его в камеру, дай бумагу и ручку, а ты (это уже мне) посиди, подумай и подробно все напиши: о чем сговаривались с главным конструктором, кому должен был сдать корабль в США и сколько должен был получить в долларах. А я, между прочим, с вечера не ел, не пил, да еще и клизма эта. Ну и скажи ему сдуру: сначала жрать дайте, а потом допрашивайте. Он обрадовался — только что руки не потирает. Чижик своему говорит: ни есть, ни пить не давать, пока не сознается. Вот тут меня, ребятки, зло взяло. Потому что поймал — твое счастье, бить — бей, куда без этого, но жрать-пить не давать — это уже беспредел!

Так я ничего им и не написал. Дня три они меня муржили, потом, правда, и есть, и пить давали, когда я стал сознание терять: видно, поняли, что я прежде концы отдам, чем что-нибудь напишу. Зато бить начали. Сам Филин и с ним какой-то старшина. Но я уже к тому времени про себя решил: сдохну, но ни в чем не сознаюсь и Сергея Палыча не оговорю!

— Чем он тебе так показался, твой Сергей Палыч? — подал голос Михаил Ефимович.

— Да как сказать, Ефимыч? Наверное, тем, что человека во мне видел, а не отброс общества. И потом, я вот боженьку просил, чтоб он меня живым на Землю вернул, а сам-то понимал, что в этом вопросе Сергей Палыч главнее Бога. Если б не он, я б сейчас вам не рассказывал.

Не знаю, сколько они меня там продержали, я со счета сбился. Напоследок приволокли в кабинет и принялись бить, как до того ни разу, и ничего уже не спрашивают. А

когда так лупят, ребятаки, — не признание выколачивают, а просто хотят насмерть забить. В общем, потерял я сознание, а как пришел в себя, вижу: лежу на кровати, кругом бело, светло, и рядом сидит в белом халате Сергей Палыч.

Он говорит: ну вот, Буравчик, очнулся. Мне врачи сказали, скоро в себя придешь, так я решил маленько подождать. Я спрашиваю: мы где? (Да говорить-то больно, так меня изломали напоследок!) Он: в Москве, в институте Склифосовского.

Видит, что мне интересно, а спрашивать не могу, и давай рассказывать. Первая ступень, говорит, малость подвела, и вывели мы тебя на нерасчетную орбиту: вместо шестидесяти пяти градусов наклона — семьдесят пять. Должен ты был пролететь над Якутией, потом пересечь Камчатку в северной части и через Тихий океан — к Южной Америке. А тебя занесло в Арктику аж до Новосибирских островов, потом через Чукотку — и дальше над Аляской. Так-то ничего страшного, СССР — страна большая, мимо не пролетишь.

А Филин, говорит, обвинил меня в том, что я хотел с твоей помощью посадить корабль на Аляске, сдать американцам. Не знаю, вправду ли так думал или просто решил, что пришел его час в полковники выходить. И началось! Мне надо Гагарина готовить, а тут кто-то из филинских шестерок все время над душой: кому зачем звонил, куда пошел? Да еще, собака, скафандр испортил, все искал потайные карманы, а у меня Титов дублером.

Одиннадцатого вечером кое-как закончили, теперь надо самому звонить. Филину деваться некуда — разрешил. Но только в его присутствии, да чтоб, говорит, без фокусов. Фиг тебе, думаю. И вот разговариваю с Москвой и говорю: Никита Сергеевич, все практически готово, только подполковник Филин, особист, сильно мешает. Этот ко мне кинулся, трубку вырвал, а Хрущев на том конце говорит (и мы оба слышим из трубки): а дайте сюда этого особиста, у меня тут Семичастный как раз в кабинете. Этот в трубку: товарищ первый секретарь ЦК КПСС, подполковник Филин у аппарата! Ну, Хрущев там, похоже, отдал трубку Семичастному, и что уж тот сказал Филину — не знаю, а только есть поговорка: «почернел, как удавленник» — так вот это про товарища нашего подполковника. Тебя они били уже после того разговора. Пришлось его, как Берию, брать — вызвали группу из части, что космодром охраняет. Теперь уж сидит, наверное.

А Гагарин, говорит, двенадцатого утром слетал. Как раз сейчас в Кремле поздравления принимает, а я пока решил к тебе заехать. Вот такие дела, Леня.

Я ему говорю: Сергей Палыч, я ж не Леня, а Вовчик. А он: нет больше Вовчика-Буравчика. Решено тебе поменять все анкетные данные: ФИО, возраст. Ты теперь не с сорок пятого, а с сорок шестого года. Внешность тоже хотели изменить, но эти гады так тебя уделали, что сейчас пластическую операцию делать нельзя, да, наверное, и не понадобится.

Вот с тех пор я и Леня.

— А кто такой Семичастный? — спросил Васюта.

Дядя Леня замешкался, первым ответил Михаил Ефимович:

— Тогда был председатель КГБ. Леня, а дальше-то что было?

Он встал, отошел в угол и погасил огонь под сковородой. Потом сказал Васюте:

— Петро, давай неси, открывай.

— Погоди, Ефимыч. Покурим сначала?

— Так рыба ж остынет.

— Я крышкой накрою, идите, — кивнул дядя Леня.

— Пошли. — Васюта встал и двинулся к выходу, Михаил

Ефимович — за ним. У двери Васюта обернулся и, как обычно, съехидничал:

— А ты, дядя Леня, наверное, бросил курить, как в космонавты записался?

— Не, Петро, после уже, — серьезным тоном ответил дядя Леня. — Мне ведь Филин тогда — ну, после посадки — и курить не давал, да потом я сколько без сознания лежал. Вот организм и отвык. В больнице уже не курил.

Вдвоем они вышли в темноту, на крыльцо котельной. Пока Михаил Ефимович закуривал, Васюта проверил, на месте ли ящики с уловом. Из своего достал вторую бутылку, сунул в боковой карман. Потом поднялся на крыльцо, щелкнул зажигалкой, затянулся и спросил:

— Ефимыч, как ты думаешь, дядя Леня правда летал или байки бает?

— Не первое ж число! — сказал Михаил Ефимович.

— Весь апрель никому не верь, — заметил Васюта.

— И потом, очень уж это... как бы сказать... по-нашему, что ли. И секретность эта, и вообще: взять вот так пацана, сунуть для проверки в ракету — лети! Вернешься живым — хорошо, а убьешься, так и хрен с тобой, поскольку малоценный член общества.

— Сейчас говорят: расходный материал, — уточнил Васюта.

Дальше курили молча. Потом Михаил Ефимович вдруг сказал:

— А подполковника того мне жалко.

— Филина, что ли? — удивился Васюта. — Его-то за что?

— Он бдительность проявил, а его вон как.

— Да ну! Поди, выслуживался.

— Нет, Петро, я думаю, он на самом деле. Бдительность тогда была на первом месте. Тем более — особист.

— Ты, Ефимыч, всех жалеешь, и кого надо, и кого не за что.

Два окурка зашипели в оплывшем весеннем сугробе, хлопнула дверь котельной.

В операторской дядя Леня разложил окуней по тарелкам. Васюта тем временем распечатал бутылку. Дядя Леня накрыл рукой свой стакан:

— Мне больше не наливай.

— Рыба посуху не ходит, — укоризненно заметил Васюта.

— Я на работе, — строго сказал дядя Леня.

— Зачем тогда я открывал? На двоих еще в той осталось.

Васюта заткнул пробкой открытую бутылку и отставил ее. Потом разлил по двум стаканам остатки из первой и провозгласил:

— Традиционный русский тост: под дичь!

Когда принялись за рыбу, Михаил Ефимович поинтересовался:

— Леня, а дальше-то что было?

— А дальше всяко было. Подписку о неразглашении с меня еще в больнице взяли. Я там четыре месяца провалялся, а когда вышел, уже Титов слетал. Воровать, конечно, бросил. Сергей Палыч устроил меня на макетный участок у них в цехе, в Подлипках. Вечернюю школу закончил, сходил в армию...

— После такого полета тебя еще и в армию взяли? — не поверил Васюта.

— Так не было ж никакого полета по документам. Да и какой из меня космонавт номер один? Урка малолетний, форточник, а Гагарин — офицер, коммунист... Ну вот, отслужил в армии, а потом задумал в институт поступать. Тогда-то и приехал сюда.

— А что не в Москве? — любопытствовал Михаил Ефимович.

— Московские вузы мне были не по зубам, — ответил дядя Леня, — а здесь в Политехе, говорили, образование дают хорошее, а конкурс не очень страшный. Ну, поступил я на дневное. На вечернее, сказали, не стоит: хуже учат.

— А жить-то на что? — снова спросил Михаил Ефимович.

— Да с этим как раз проблем не было — так мне казалось. Мне же от КГБ назначили... как бы сказать... в общем, я это называл пенсией. То ли компенсация за причиненный вред, то ли плата за молчание. Я и думал, что на те деньги проживу, даже если стипендии не будет, — ну, понятно, без особого шика, лишь бы общагу дали. Вот эта-то пенсия мне всю жизнь и поломала.

— Это как?! — воскликнули Васюта и Михаил Ефимович почти хором.

— А вот так. Поступил я, учусь, первую сессию сдал. А в начале второго семестра вызывает меня к себе начальник первого отдела... ну, иначе говоря...

— Знаем, — значительно произнес Васюта.

— ...И говорит: денежки получаем, а отрабатывать когда будем? Я еще не сразу его понял. Оказалось, хочет он, чтоб я, за эти вроде деньги, стучал на студентов, с кем вместе учусь. И на преподавателей тоже. Я ему: так мне же не за то платят. Он: а за что тогда? Я: не могу сказать, но вы там по своим каналам узнайте, раз уж знаете, что деньги получаю. А я подписку давал. Он: все верно, у нас всегда подписку дают, когда с нами сотрудничают.

И так пристал — не отвяжешься! Когда понял, что добром не выйдет, угрожать начал: не хочешь сотрудничать — вторую сессию не сдашь. Пришлось сваливать из Политеха. Ну, думаю, осенью куда-нибудь на вечернее поступлю, а пока надо на работу устроиться. Пошел сначала на автозавод. Взяли меня, а на второй месяц тягают в первый отдел, и опять за рыбу деньги! Куда деваться — пришлось и с завода уйти.

Полтора года я, как жесть на ветру, мотался. Нарочно смотрел какие-нибудь лавочки захудалые, где оперчасти нет, да только кадровик-то в каждой организации сидит, а они все с той конторой повязаны. А потом они уже от одной моей трудовой книжки шарахались: за полтора года девять мест. Сюда-то, в психбольницу, брать не хотели, но я через неделю снова пришел, а им по осени кочегар был очень нужен. Взяли. С тех пор здесь и ишачу. Раньше-то уголек лопатой кидал, а нынче — вон, культура!

— Леня, а ты Сергея Пальча не просил помочь с этим делом? — спросил Михаил Ефимович после минутной паузы. — Он-то, наверное, нашел бы на них управу.

— Умер Сергей Пальч. Пока я в армии служил...

Дядя Леня замолчал. Васюта дернулся к бутылке, помянуть главного конструктора, но что-то его остановило.

— А что кадровик? — опять спросил Михаил Ефимович.

— Кадровик то же, что и все, только я к тому времени придумал, как с ним быть. Говорю: всегда готов с вами сотрудничать, но к медперсоналу я не вхож, сижу в кочегарке один, как сыч. Вот больные ко мне заходят, болтают всякое. Могу записывать и вам сообщать. Он: тьфу на тебя! Чтоб я всякие бредни читал! Так и отстал.

— Вот уж действительно — нефиг от них ничего брать, — хмыкнул Михаил Ефимович. — Все одно не на пользу.

— Это как сказать, — философски заметил дядя Леня. — Маринку-то свою я здесь встретил. Мы с ней живем, считай, четвертый десяток уже.

— Лечилась? — по привычке съязвил Васюта, чем вывел из себя даже дядю Леню.

— Типун тебе на язык! Знаешь ведь, что сестра-хозяйка!

ФАНТАСТИКА

— А она знает, что ты летал? — спросил Михаил Ефимович.

— Нет. Про ту пенсию от КГБ знает, а за что она — я ей сказал, что подписку дал, она понимает. Я вообще второй раз в жизни это рассказываю.

— Тут тебе, дядя Леня, точно повезло, — сказал Васюта. — Какая бы женщина такое вынесла!

— А первый раз кому? — спросил Михаил Ефимович.

— А тому кадровику, что не хотел бредни читать. Когда он на пенсию уходил, ему уж за семьдесят было. Само собой, банкетик собрал для наших, из больницы. Меня тоже позвали. Ну, выпили малость, и опять он ко мне пристал: мол, платят тебе, а за что, спрашивается, если отдачи никакой? Я и рассказал ему, за что.

— А он? — снова задал вопрос Васюта.

— А он — как ты же, теми же словами: мол, кто-то из наших больных тебя укусил.

В это время скрипнула входная дверь, и в нее просунулся встрепаный тип в телогрейке, из-под которой виднелись серые штаны больничной пижамы.

— Все в порядке, товарищ истопник? — строго спросил он.

— У, принесло! — полусшепотом проворчал дядя Леня. Потом сказал:

— В порядке, товарищ подполковник.

— Выпиваете? — еще строже спросил тип. — А эти кто?

Дядя Леня нехорошо ухмыльнулся и ответил:

— Знакомые шпионы, товарищ подполковник. Зашли схему котла срисовать.

«Подполковник» вздрогнул и почти выкрикнул:

— Я немедленно доложу!

— Это правильно, — закивал дядя Леня и взял за трубку телефона. — Только зачем далеко ходить? Давайте, я вас прямо отсюда соединю с товарищем Семичастным.

Услышав о Семичастном, гость пулей вылетел из котельной. Васюта закрыл за ним дверь и спросил:

— Это кто? Больной?

— Да он тихий, не бойся, — махнул рукой дядя Леня.

— А почему подполковник?

Дядя Леня сделал многозначительную паузу.

— А это, ребята, не кто иной, как подполковник Филин, собственной персоной. У нас теперь обретается — как третьего года в Молчановке больница сгорела. Слыхали, наверное?

Васюта икнул и схватился за бутылку. Дядя Леня подвинул свой стакан:

— Петруха, налей и мне тоже.

— А я что говорил? — негромко заметил Михаил Ефимович.

— Да ну, дядя Леня! Не бывает так! — проговорил Васюта.

— Я, Петруха, тоже обалдел, как его здесь встретил, — сказал дядя Леня. — А только мир тесен, Земля маленькая. Сам видел, когда летал. Ну, без тостов.